

бросились к буфету, но мы предвидели грабеж и заранее попрятали все ценное.

К вечеру Краснодар был переполнен немцами. В этот же день у нас поселился важный офицер. Чемоданов и сундуков у него было столько, что их некуда было ставить. Ими забили кладовую, коридор; в квартире стало тесно от них. Среди вещей были даже самовар и половая щетка. Одним словом, нашему квартиранту более подходило название большого грабителя, чем большого офицера.

С этих пор мой дом стал мне чужим. Меня только радовало одно: что нет здесь сейчас ни Олега, ни брата и что им не пришлось жить под одной крышей с немцем.

Но случилось такое, чего никто не мог ожидать. 25 июля, в четыре часа дня, возвратились шестеро рабочих, а с ними Олег и мой брат с семьей. Они доехали до Новочеркасска, дальше на восток все пути были уже отрезаны.

Невеселой вышла моя встреча с Олегом.

Он был хмурый, почерневший от горя. На лице его уже не появлялось улыбки, он ходил из угла в угол угнетенный и молчаливый, не знал, к чему приложить руки. То, что делалось вокруг, уже не поражало, а страшным гнетом давило душу сына.

— Мама, если бы ты знала, мама! — горячо шептал он мне. — Это же не люди, а какие-то чудовища, настоящие людоеды! Если бы ты знала, родная, что видел я по дороге!

И, как будто желая найти защиту от страшного, что его угнетало, Олег, как в детстве, прижимался ко мне и рассказывал о женщине, которую убил немец за то, что она не позволила ему грабить вещи, о грудном ребенке: немец схватил его за ножки, ударил головой о дорогу, а потом переехал его своим мотоциклом...

— Сколько буду жить, столько я буду помнить это! — сказал Олег, словно поклялся.

Ночью, при тусклом свете каганца, он писал стихи.